

В рассуждениях о собственности, богатстве, труде сентенции, высказываемые византийскими авторами, в большинстве случаев не имеют определенной социальной окраски. Основной акцент делается в таких случаях на братских отношениях людей и равенстве всех перед общим отцом — богом, а не на реальных различиях в общественном положении. Читая подобные фрагменты, можно только догадываться об истинном положении дел.

Иначе выглядит картина отношений людей в обществе, когда мы обращаемся к сочинениям, касающимся социальной борьбы. Здесь все рассуждения приобретают более четкие социальные контуры. Правда, и здесь мы встречаем проповедь классового мира, призывы к общности «сородичей», «единоплеменников». Димитрий Кидонис в «Монодии на павших в Фессалонике» порицает участников зилотского движения прежде всего за то, что они выступили против общности сородичей: «Почему жители этого города, не считая это друг другу полезным, ссорясь, поедая друг друга, заняли кровью сородичей родину, которая была бы им отцом и матерью, если бы они были разумны?» (Мон., 644 С). Христианская идея братства преподносится Кидонисом как обоснование для необходимости установления классового мира: «О более палачи, нежели граждане! О нечистые души! О более нечистые руки! Как не были они поражены (ἐνάρχησαν), взяв в руки оружие против братьев и друзей! . . .» (Мон., 649 D).

Григорий Палама, поставленный в 1349 г. фессалоникским архиепископом, произнес после подавления восстания в этом городе известную гомилию «Об общем замирении», построенную в духе проповеди классового мира. Он утверждал, обращаясь к вчера еще мятежным фессалоникийцам, что основой отношений людей в обществе является «единение друг с другом и с богом» (Гом. I, 12 С). «Мы все друг другу братья» (ἀδελφοὶ ἡμεῖς πάντες), повторяют вслед за Паламой (Гом. I, 9 А) Николай Кавасила и Алексей Макремволит (Рост., 732 D; Разг., 203. 2—3; 204. 22). Палама страстно выступает против смуты, которая «делает единоплеменников врагами» (Гом. I, 12 С). Как и Димитрий Кидонис, называвший город отцом и матерью граждан-братьев, Палама считает город чем-то единым, неразделенным. Мятеж внутри этого единства представляется ему противоестественным. «Город сам с собой воюет, сам себя поражает, своими ногами топчет себя, своими руками раздирает себя, своими криками хулит себя» (Гом. I, 12 D—13 А).

Проповедуя братство людей, единых в любви к богу, принадлежащих к одному «роду», к единому месту рождения и жительства, византийские авторы, свидетели восстаний, ставят вопрос о причинах их происхождения. «Откуда в мир пришел раздор? Откуда ворвался мятеж?» — вопрошает Димитрий Кидонис (Мон., 644 С). Григорий Палама, обращая свои слова к жителям недавно еще мятежного города, объясняет им происхождение распрей воздействием сатаны: «Но ненависть, пришедшая к нам по содействию дьявола и изгнавшая любовь. . . не только разделяет общие члены этого города, но как бы расслабляет их и производит враждебные междоусобия, неизлечимые смуты и мятежи. . .» (Гом. I, 12 С). В другом месте этой же гомилии Палама считает причиной распрей человеческие грехи: «От греха приходит к нам гражданская война (ἐμφύλιος στάσις) и смутение» (Гом. I, 13 D).

Однако, когда мы читаем строки, непосредственно говорящие о фессалоникийском восстании, воздействие дьявола отодвигается на задний план. Картина восстания приобретает довольно определенные социальные очертания в описании Димитрия Кидониса, фессалоникийца, друга и близкие которого пострадали в эти мятежные годы. «Разрушителем» города оказывается вчерашний бедняк: «. . . тот, кто вчера, закапывая [сбереженный] обол, сегодня сносит до основания город, словно стал богатым» (Мон., 648 А). Восставшие «выводили голыми в [нижних] ко-